

Александр ВОЛОДИН

Рядом, вокруг, перед нами

“Служенье муз не терпит суеты, прекрасное должно быть величаво”. Проходят годы, делаешься старше, все чаще и чаще призадумываешься над тем, как ты жил, видишь свои ошибки. Да и не только свои. Ошибки друзей. Ошибки врагов, – говорил он.

Мы тогда видели только ошибки врагов, своих не видели.

– Суета отнимает силы, похищает разум, превращает человека в своего раба, – говорил он. – Почему же не научились мы бояться ее и ненавидеть смертельно? Потому, я думаю, что суета наша была направлена на добрые дела, и, искренне желая совершить хорошее, мы суетились и попадали в тот водопад поспешных случайностей... Слишком мало видели мы на наших лицах уравновешенной задумчивости.

Лишь многие годы спустя мы начали задумываться. Тогда же все были возбуждены. Взволнованная, дерзкая суета наша шестидесятых годов. Нервозная начальственная суета шестидесятых годов.

Он говорил о бесталанных людях, которые понимают, что атмосфера паники чрезвычайно для них питательна. “Я покривил бы душой, если бы не сказал, что эти индивиды мне ненавистны... Люди подобного склада, не имея к тому никаких данных, пытаются меня учить патриотизму, любви к Родине и тому подобным, я бы сказал, глубоко интимным вещам...”

Радостный вопль Колонного зала помнится мне. Несмолкающие аплодисменты, более несмолкающих мне не доводилось слышать.

Он прожил огромную жизнь. В этой жизни всего было больше, чем у других. От первой до последней пьесы, кажется, прошло столетие.

Времена менялись, не становясь умнее. Привычно весельны были “правые”, изредка справляли свои маленькие торжества “левые”. Теряли последние надежды прогрессивные, медлительно суетились реакционные.

Официозные бичевали порочных. Всю свою жизнь Арбузов был вне этого. То есть выше.

И всю жизнь рядом с нами, вокруг нас, перед нами.

1987

Михаил РОЦИН

Есть только миг, ослепительный миг

Когда я видел Алексея Николаевича Арбузова в последний раз, уже очень больно, прикованного к креслу, с едва слышной речью, – а день стоял солнечный, летний, верхний этаж его квартиры и большую комнату, где находился больной, ярко заливал светом, продувало воздухом, и народ почему-то входил, выходил, с делами, лекарствами, советами, сочувствием, состраданием и желанием помочь; на кухне пили чай, кто-то говорил по телефону – а он сидел расплывчато, слабо, почти не владе своим телом и, может быть, не вполне удерживая мысль, – и вот тогда, взяв его как можно нежнее и дружески за руку, я увидел глаза, полные глубочайшей печали и жалости. И как мне показалось, только в эту четверть минуты я во всей полноте понял человека, которого встречал на протяжении двадцати с лишним лет, о котором много думал, спорил, читал, которого ругал и которым восхищался.

Ах, какая была печаль! Как жаль ему было жизни, себя, этого дня. Какая брала тоска при виде людей здоровых, молодых, движущихся, которым надо куда-то бежать, звонить, намазывать маслом хлеб и сдирать зубами шкуру с кружка колбасы.

Арбузов был Великий Эгоист, жадина, гурман, в нем урчало существо плотоядное и ненасытное, и он хотел всегда взять от жизни все. Его натура управляла им, и его желание сметало в конце концов все иные соображения.

Его главный кусок жизни пришелся на эпоху голодную, скептическую и полную страха. Человека, хорошо одетого или, не дай Бог, сидящего в ресторане, показывали в кино и в театре как врага и паразита.

СКАЗКИ...СКАЗКИ... СКАЗКИ СТАРОГО АРБАТА

Загадки и парадоксы
АЛЕКСЕЯ АРБУЗОВА



помогающая связать прошлое и будущее. Числящийся в последние годы по разряду камерной драматургии, Арбузов как мало кто из его современников сумел проникнуть в строй мысли и чувств своих героев, без пафоса представить нормальную жизнь нормальных людей. Любящих, страдающих, знающих, что сказать друг другу в трудный час и как протянуть руку помощи. Казалось бы, внесоциальная и дезидеологизированная проза обычной жизни, простые судьбы, правда, обремененные в одном Арбузову присущую драматургическую форму. А на поверку – получившая продолжение неумирающая классическая традиция совестливой отечественной словесности.

В книге много воспоминаний людей, которых уже нет с нами. Замечательно, что они успели отдать дань памяти и признания Алексею Николаевичу, восстановив немало ключевых моментов развития отечественного театра. Это художники поколения Арбузова – Штейн, Алешин, Розов, Каверин, Алигер. Есть и воспоминания более молодых – Рощина, Эдлеса, Хейфеца и тех, кто был совсем молодым, когда начинал, но начинал под крылом Арбузова – Петрушевской, Кучиной, Славкина. И перед читателем предстает полнокровный и многогранный образ человека и драматурга, самобытного во всех своих проявлениях – в творчестве и круге чтения, в боготворении музыки и любви к футболу, знающего толк в изысканной пище и модной одежде.

Это тот Арбузов, который прожил 77 лет и написал как минимум с десяток классических пьес. Сегодня есть и другой Арбузов – современный нам драматург, востребованный отечественным и зарубежным театром. Лишнее доказательство этому прошлогодняя премьера РАМТа “Таня” в постановке А.Пономарева, уже второй сезон пользующаяся большим успехом у зрителей теперь уже нового поколения. Так что Арбузов с ними.

В разное время “ЭС” печатала воспоминания, вошедшие в эту книгу. Сегодня вниманию читателей предлагается два фрагмента из вышедшего сборника и рецензия на спектакль Российского Академического Молодежного Театра “Таня”.

Александр АВДЕЕНКО

“Не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна”, – день и ночь надрывалось радио. Естественные желания должны были сделаться тайными, чтобы выжить, свой взгляд на мир надо было закамуфлировать. Жить просто так или писать просто так, как хочется, – этого было нельзя. А он хотел, желал, и принужден был хитрить, изворачиваться, ошибаться, расплавившись за ошибки и ошибаться опять.

Я не утверждаю, я только предполагаю и пытаюсь расшифровать смысл того, последнего, виденного мною взгляда. Он оставил во мне столь сильное впечатление, что потом, уже после смерти Алексея Николаевича, я все продолжал думать об этом, чувствовать эту печаль и смертную тоску: как же так, все останется, блеск солнца на стекле приоткрытого окна, вопли ворон, чай в стакане, мокрые от слез глаза, дальняя музыка со двора – все останется и будет жить, кипеть, переливаться, а меня не будет?..

Я вспоминал: это было так недавно, его юбилей. Театр на Бронной, фойе, где собрались его друзья, вся театральная Москва, поздравляли, шутили, без всякой официальщины, – не в зале с президиумом, а в фойе, “без чинов”, запросто и весело. И он был счастливый, вальяжный, “артист в силе”, как говорил Пастернак, и был вполне здоров, крепок, на подъеме, только что возвратившись из очередной Японии или Австралии, – спросите любого “театрального” японца об Арбузове, и он заулыбается и

расскажет о каком-нибудь рестораничке в Токио, о памятном ужине или обеде, арбузовской премьере, актерах и актрисах, игравших “Старомодную комедию” или “Марата”, “Милый старый дом” или “Сказки старого Арбата”.

Театры всегда обожали ставить Арбузова. Это было феноменально. Признаться, когда мы пришли в театр, драматурги, на целых два, пожалуй, порядка моложе “старика” Арбузова, то я, например, всегда бывал раздражен, читая новую арбузовскую пьесу: многие ситуации казались чересчур искусственными, люди сочиненными, с приличным отрывом от реальности, язык – вычурным, каким не говорят. По глупости я не понимал, что в идеале-то это и есть театр: выдуманная история, сочиненные герои (каких никогда не было на свете – Гамлет, Тартюф, Хлестаков) – и диалоги в стихах. Вот театр! Чем натуральнее, тем мимолетнее, чем сочиненное, тем ближе к истине. Прочтешь “Старомодную комедию” – мука, раздражение, все неправда! Начнут играть – пожалуйста, театр!..

Арбузов “знал секрет”, несомненно. Его социальность всегда была упрятана в сложные и причудливые человеческие отношения. Он слишком хорошо знал, как богата неоднородным, многослойным и подводным жизнью каждого человека. Он всегда пытался об этом сказать...

Экран и сцена. - 2004. - №11 (110) -